

О.И. АГАНСОН

БАЛКАНСКИЙ ВОПРОС ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1908–1912 годы)

На протяжении длительного времени (с последней трети XVIII в. и до окончания Первой мировой войны) Восточный вопрос являлся узловой проблемой международных отношений. Он был порожден упадком Османской империи, активизацией национально-освободительных движений на ее территориях и обострением соперничества великих держав за “наследство султана”. Дезинтеграционные процессы разворачивались как в европейских, так и азиатских провинциях Турции. В условиях, когда на карту была поставлена судьба Османской империи, в политике великих держав проблемы Балкан и Ближнего Востока составляли единый комплекс противоречий.

Однако после Берлинского конгресса 1878 г. балканский аспект Восточного вопроса начал приобретать самостоятельную значимость. Румыния, Сербия и Черногория получили независимость. Но вследствие решений великих держав ряд проблем так и остался неурегулированным. Македония и Фракия стараниями британского премьер-министра Б. Дизраэли были возвращены под власть турецкого султана. Австро-Венгрия, в состав которой входила часть северо-западных балканских земель, по статье 25 Берлинского трактата оккупировала Боснию и Герцеговину. Рост национально-освободительных движений, соперничество независимых балканских государств за спорные земли, а также попытки правительств Турции и Австро-Венгрии остановить центробежные тенденции внутри империй являлись источником нестабильности на полуострове. Таким образом, сочетание внешнего (борьба великих держав) и регионального (территориальное размежевание и вражда между собой балканских государств) факторов превращало Балканы в “пороховой погреб Европы”. Как показали трагические события лета 1914 г., пожар, разгоревшийся на Балканском полуострове, перекинулся на всю Европу, а потом превратился в мировой.

Историки изучали международные отношения в Юго-Восточной Европе через призму австро-русской дуэли¹ и германской экономической экспансии². Что касается балканской политики Великобритании, то Лондон традиционно декларировал свою “незаинтересованность” в делах полуострова. В связи с этим английские исследователи писали о стремлении руководителей Форин оффис “держаться на расстоянии” от балканских коллизий и совместно с другими великими державами вырабатывать общие принципы урегулирования региональных проблем³.

Агансон Ольга Игоревна – аспирантка кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ Поповић Д. Извольски и Ерентал. Београд, 1927; *Calgren W.M.* Iswolsky und Aehrenthal vor der bosnischen Annexionskrise. Uppsala, 1955.

² Туполев Б.М. Экспансия германского империализма в Юго-Восточной Европе в конце XIX – начале XX в. М., 1970.

³ *Crampton R.J.* The Balkans, 1909–1914. – British Foreign Policy under Sir Edward Grey. New York, 1977, p. 256–266.

Возникает принципиальный вопрос: могла ли Великобритания, мировая держава, всегда пристально следившая за поддержанием баланса сил на континенте, дистанцироваться от событий на Балканах, где тесно переплетались интересы других великих держав?

В балканской политике Лондона обозначились три уровня: европейский, т.е. взаимоотношения между великими державами; ближневосточный, вызванный ослаблением Османской империи; региональный, связанный с внутривосточными разногласиями. Это свидетельствовало о наличии у Англии своего прагматического интереса на Балканском полуострове.

Во-первых, речь шла о недопущении смещения силового равновесия в Европе в сторону Центральных держав (Германии и Австро-Венгрии). Британия была вынуждена проводить курс на укрепление Антанты. Балканы, на которые издавна были устремлены взоры Санкт-Петербурга, представлялись подходящим пространством для осуществления политики взаимодействия Англии с Россией.

Во-вторых, Лондон рассматривал Балканы как часть Ближневосточного региона, включавшего Юго-Восточную Европу (без владений Габсбургов), Малую Азию, Левант, Северо-Восточную Африку, Аравийский полуостров (земли Османской империи) и западную часть Ирана⁴.

В-третьих, Англия должна была учитывать расстановку сил на полуострове, все в большей мере определявшуюся стремлением балканских государств воплотить в жизнь свои национальные идеалы.

Так как целью статьи является анализ британской трактовки Балканского вопроса и выявление факторов, повлиявших на выработку и реализацию политики Форин оффис в балканском регионе, сформулируем ряд ключевых вопросов, которые помогут понять, как балканская политика Англии способствовала развязыванию Первой мировой войны.

В этой связи обратимся к проблеме сохранения европейских провинций в составе Османской империи. Этот вопрос ранее находилась вне поля зрения историков. Внешнеполитический курс Англии на Балканах рассматривался в рамках таких исторических сюжетов, как Боснийский кризис 1908–1909 гг.⁵, создание Балканского союза и подготовка Первой балканской войны (октябрь 1912–май 1913 гг.)⁶, происхождение Первой мировой войны⁷, а также как части Восточного вопроса⁸.

⁴ Hogarth D.G. The Nearer East. London, 1902, p. 2.

⁵ Schmitt B.E. The Annexation of Bosnia 1908–1909. Cambridge, 1937; Виноградов К.Б. Боснийский кризис 1908–1909 гг. – пролог первой мировой войны. М., 1964; Романова Е.В. Механизм регулирования международных кризисов в начале XX века. – Проблемы американистики: конфликты и кризисы в международных отношениях, вып. 11. М., 2001; Ünal H. British Policy towards the Ottoman Empire during the International Crisis: Bulgaria's Declaration of Independence and the Annexation of Bosnia and Herzegovina, 1908–1909. – Bulgarian Historical Review, 2001, № 1–2; Лулева Ю.В. Боснийский кризис 1908–1909 годов: провал тайной сделки Извольского и Эренталя. – Новая и новейшая история, 2009, № 2; Adam K. Großbritanniens Balkandilemma. Die britische Balkanpolitik von der bosnischen Krise bis zu den Balkankriegen. 1908–1913. Hamburg, 2009.

⁶ Helmreich E.C. The Diplomacy of the Balkan Wars. Cambridge, 1938; Галкин И.С. Образование Балканского союза 1912 г. и политика европейских держав. – Вестник Московского университета. Серия. Общественные науки, вып. 2, 1956, № 4; Dakin D. The Diplomacy of the Great Powers and Balkan States 1908–1914. – Balkan Studies, 1962, v. 3; Crampton R.Y. The Hollow Détente: Anglo-German Relations in the Balkans 1911–1914. London, 1980; Пусачев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985; В “пороховом погребке Европы”. 1817–1914. М., 2003.

⁷ Тэйлор А.Дж.П. Борьба за господство в Европе. М., 1958; Хвостов В.М. История дипломатии, т. II. М., 1963; Bridge F.R. The Great Powers and the European States System 1815–1914. London, 1980; Joll J. The Origins of the First World War. London, 1984; Туполев Б.М. Происхождение первой мировой войны. – Новая и новейшая история, 2002, № 4–5; Мировые войны XX века, кн. 1. М., 2005; Романова Е.В. Путь к войне: развитие англо-германского конфликта, 1898–1914 гг. М., 2008.

⁸ Anderson M.S. The Eastern Question 1774–1923. London, 1966; Clayton G.D. Britain and the Eastern Question: Missolonghi to Gallipoli. London, 1971; Schöllgen G. Imperialismus und Gleichgewicht. Deutschland, England und die orientalische Frage 1871–1914. München, 1984.

Исследователи не выделяли 1908–1912 гг. в качестве самостоятельного этапа балканской политики Лондона. Однако именно 1908 и 1912 гг. явились вехами внешней политики Англии в регионе. В июле 1908 г. произошла Младотурецкая революция, в которой Форин оффис увидел возможность реформирования Османской империи в соответствии с британским пониманием этого процесса. Лондон поддержал попытки правительства Мехмеда Кямиль-паши преодолеть дезинтеграционные тенденции в империи. Однако 1912 г. с согласия Англии основные положения Берлинского трактата 1878 г., служившие залогом поддержания, пусть хрупкого, но относительного политического равновесия, были окончательно пересмотрены, что привело к потере Турцией балканских вилайетов.

Источниковую базу работы составляет внутриведомственная переписка Форин оффис по Ближнему Востоку за 1908–1914 гг.⁹ Эти документы впервые вводятся в нашей стране в научный оборот. Автор также впервые использовал некоторые новые материалы Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ)¹⁰ по теме исследования. Кроме того, в корпус источников входят сборники дипломатических документов Великобритании¹¹, Германии¹², России¹³ и Франции¹⁴.

На протяжении большей части XIX века внешнеполитический курс Лондона на Балканах определялся существованием англо-русского антагонизма на Ближнем и Среднем Востоке. Центральным пунктом британской стратегии в регионе являлось противодействие продвижению России в Восточное Средиземноморье. Лондон считал доминантой своей ближневосточной политики недопущение русского контроля над Константинополем и Проливами, что предполагало поддержание целостности Османской империи. Но с оккупацией Египта в 1882 г. и размещением английских войск на Кипре в 1878 г. центр британской политики сместился: теперь не Константинополь, а Суэц рассматривался как ключ к морскому пути в Индию¹⁵.

В 90-е годы XIX в. расстановка сил на Ближнем Востоке изменилась в неблагоприятную для Англии сторону. В регионе появился новый крупный игрок – Германия. Проникновение Берлина в Османскую империю осуществлялось на трех уровнях – экономическом, военном и политическом¹⁶. Переломным моментом в ближневосточной политике великих держав стала новость о получении в 1899 г. германским банком “Дойче Банк” концессии на сооружение Багдадской железной дороги. С точки зрения Лондона эта магистраль представляла непосредственную угрозу английским стратегическим позициям на Востоке¹⁷.

⁹ British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print (далее – FO Confidential Print). P. I. From the Mid-Nineteenth Century to the First World War. Ser. B. The Near and the Middle East, 1856–1914. V. 20. The Ottoman Empire under the Young Turks, 1908–1914.

¹⁰ Ф. 180 “Посольство в Константинополе”, ф. 166 “Миссия в Белграде”.

¹¹ British Documents on the Origins of the War 1898–1914 (далее – BD), v. IX (1). London, 1933.

¹² Die große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914 (далее – GP), Bd. XXVII (1). Berlin, 1927.

¹³ Documents diplomatiques français (далее – DDF), 2 sér., t. 13. Paris, 1955.

¹⁴ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917 (далее – МОЭИ). Сер. 2. 1900–1913, т. XVIII, ч. I–II. М., 1938.

¹⁵ Anderson M.S. Op. cit, p. 259.

¹⁶ Ерусалимский А.С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М., 1951; Силин А.С. Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX века. М., 1971; Туpoleв Б.М. Германский империализм в борьбе за “место под солнцем”. Германская экспансия на Ближнем Востоке, в Восточной Африке и в районе Индийского океана в конце XIX – начале XX в. М., 1991.

¹⁷ Бондаревский Г.Л. Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток. Ташкент, 1955; Earle E. Turkey, the Great Powers and the Bagdad Railway. A Study in Imperialism. New York, 1966.

Проводимый Берлином курс в отношении азиатских владений султана не мог не взволновать британские правящие и деловые круги, чьи интересы были сконцентрированы вокруг северной части Персидского залива; территорий, прилегающих к Адену; Центральной и Южной Аравии; бассейна Красного моря. Как подчеркивал советский историк Г.Л. Бондаревский, это обстоятельство в сочетании с “падением заинтересованности британского капитала в Малой Азии”, предопределило выбор британского истеблишмента в пользу расчленения Османской империи¹⁸.

Тенденции к дезинтеграции Турции начали проявляться в английской политике еще в период Ближневосточного кризиса 1895–1897 гг. (резня армянского населения 1894–1896 гг., восстание на Крите и греко-турецкая война 1897 г.). Тогда Англия, единственная из великих держав, настойчиво требовала проведения радикальных преобразований в беспокойных провинциях. Форин оффис, избегая ставить на повестку дня вопрос о целостности Турции, фактически выступал за ее децентрализацию, выражавшуюся в предоставлении автономии национальным окраинам империи.

В условиях ослабления влияния Англии на Ближнем Востоке, Лондон стал проявлять живой интерес к европейским провинциям Османской империи, где в начале XX в. происходило усиление национально-освободительных движений. Британские агенты намеренно дестабилизировали ситуацию в балканских вилайетах Турции¹⁹. Линия, проводимая министром иностранных дел Великобритании лордом Г. Лэнсдауном, во многом являлась продолжением курса, избранного правительством Р. Солсбери в отношении периферийных провинций Порты в 90-е годы XIX в. Так, Лондон принимал деятельное участие в осуществлении реформ в Македонии, где в августе 1903 г. вспыхнуло мощное восстание²⁰.

Важной вехой в ближневосточной политике Британии явилось заключение англо-русской Антанты 1907 г.²¹ и состоявшееся в июне 1908 г. Ревельское свидание между Николаем II и Эдуардом VII. Прежняя конфронтация сменилась если не дружественными отношениями, то, по крайней мере, возможностью компромисса, в будущем открывающего путь к взаимному сотрудничеству. Проявлением новых тенденций в политике Форин оффис стало согласование позиций с Санкт-Петербургом по вопросу македонских реформ.

Однако проектам преобразований в европейских вилайетах было суждено так и остаться на бумаге: в июле 1908 г. вспыхнула Младотурецкая революция. Движение младотурок разворачивалось под лозунгами конституционализма, секуляризма, провозглашения основных демократических свобод²². Младотурецкую революцию можно рассматривать в качестве поворотного пункта всей ближневосточной политики. Казалось, что для Англии революция в Турции открывала новые возможности и позволяла ей внести коррективы в свой внешнеполитический курс в регионе. Британские дипломаты, журналисты, общественные деятели констатировали всплеск проанглийских настроений в Османской империи²³. Главой нового правительства был назначен Кямил-паша, славившийся своими англофильскими убеждениями.

¹⁸ Бондаревский Г.Л. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX–начало XX в.). М., 1968, с. 44, 55.

¹⁹ Галкин И.С. Указ. соч., с. 11.

²⁰ Донеv J. Македонија во британско-руските односи 1907–1908: тактика или стратегија. Скопје, 1994; Zametica J. The Macedonian Question among British Contemporaries: Serbophiles and Bulgarophiles 1897–1920. – Međunarodni naučni skup: Evropa i Istočno pitanje 1878–1923 – političke i civilizacijske promene. Beograd, 2001; Растовић А. Енглеска јавност о устанку у Македонији 1903. године. – Историјски часопис, 2007, № 54.

²¹ Сергеев Е.Ю. Англо-русская Антанта 1907 года. Новые аспекты. – Новая и новейшая история, 2007, № 5.

²² Consul Heathcote to G. Barclay. – FO Confidential Print, p. I, ser. B. V. 19. The Ottoman Empire: Nationalism and Revolution, 1885–1908, doc. 117, p. 506.

²³ The Annual Register for the Year 1908. London, 1909, p. 331.

По своему характеру и составу участников младотурецкое движение было неоднородным. Его ядром являлся комитет “Единение и прогресс” – по своей сути националистическая организация, выступавшая за проведение в Османской империи либеральных реформ с целью укрепления ее государственности, военной и экономической сфер. Модернизируя империю, младотурки надеялись исключить вероятность иностранного вмешательства во внутренние дела Турции и ее дальнейшего раздела²⁴. Поэтому правдоподобным выглядело заключение британского посла в Константинополе сэра Дж. Лоутера о том, что катализатором революции явились соглашения, достигнутые во время Ревельского свидания 1908 г. В восприятии младотурок русско-британский проект реформ фактически означал лишение Турции ее прав на европейские провинции²⁵.

Из всех политических сил Османской империи, декларировавших свою приверженность принципам революции 1908 г., Форин оффис поддерживал Либеральный союз (“Ахрар”). Это политическое объединение в основном состояло из представителей национальных окраин: албанцев, армян, арабов, выступавших за предоставление провинциям Османской империи максимальной автономии. Разумеется, с точки зрения Форин оффис, планы дальнейшей децентрализации Турции выглядели перспективными. С одной стороны, отдаленные провинции находились бы под формальным суверенитетом султана, что уменьшало вероятность столкновения из-за них великих держав. С другой стороны, неконтролируемость Портой периферии (Британию больше всего волновали аравийские территории, прилегавшие к Персидскому заливу) позволила бы Лондону напрямую вступать в переговоры с местными правителями. Однако реализации этой программы препятствовала позиция младотурок. По замечанию британского дипломата А. Тэлфорда Во, комитет “Единение и прогресс”, настаивая на жесткой централизации Османской империи, отвергал косвенные методы управления, сторонниками которых традиционно выступали англичане²⁶. Своеобразие британского подхода заключалось в осуществлении контроля над княжествами Персидского залива путем установления над ними различных видов протекторатов, при которых местные шейхи сохраняли широкую свободу действий во внутренней политике²⁷.

К февралю 1909 г. отношения между “Ахраром” и комитетом “Единение и прогресс” предельно обострились: лидер либералов Кямиль-паша был смещен с поста премьера. Противостояние комитета и его оппонентов достигло апогея 13 апреля 1909 г., когда взбунтовался столичный гарнизон, а новое правительство подало в отставку. Мятеж в Константинополе послужил комитету “Единение и прогресс” поводом для расправы над оппозицией²⁸.

По турецкой столице циркулировали слухи о причастности британского посольства к антиконституционному выступлению²⁹. Очевидцы событий не преминули отметить поддержку, оказанную Лондоном Кямиль-паше и либералам, часть из которых либо, действительно, сотрудничала с мятежниками, либо им просто не сопротивлялась. Авторитет Британии среди константинопольского общества, по словам английского наблюдателя, никогда не находился на столь низком уровне, как после апрельских событий 1909 г.³⁰

Современники не могли найти адекватного ответа на вопрос, почему британское посольство и пресса так настойчиво демонстрировали свое расположение к партии

²⁴ *Sonyel S.R.* Minorities and Destruction of the Ottoman Empire. Ankara, 1993, p. 241.

²⁵ General Report on Turkey for the Year 1908. The Constitutional Movement. – FO Confidential Print, p. I, ser. B, v. 20, doc. 23, p. 49.

²⁶ *Waugh T.A.* Turkey Yesterday, To-Day and To-Morrow. London, 1930, p. 129.

²⁷ *Бондаревский Г.Л.* Английская политика..., с. 5.

²⁸ *Swenson V.R.* The Military Rising in Istanbul 1909. – Journal of Contemporary History, 1970, v. 5, № 4, p. 172.

²⁹ *Adib H.* Memoirs. New York, [s.d.], p. 278.

³⁰ *Ramsay W. Ramsay W.M.* The Revolution in Constantinople and Turkey. London, 1909, p. 17, 19.

“Ахрар”, когда было очевидно, что реальная сила находилась за комитетом “Единение и прогресс”³¹.

Разительный контраст политике Лондона представляла политика Берлина. В Германии сумели предвидеть, что победа в противостоянии либералов и комитета останется за комитетом³². Германский посол в Константинополе А. Маршалль фон Биберштейн объяснял поведение Англии тем фактом, что Лоутер и его коллеги ошибочно проанализировали создавшуюся ситуацию и сделали ставку не на ту сторону³³.

Однако оценка, данная германским послом британской политике, была поверхностной. Причину избранного Лондоном курса в отношении младотурок следует искать в его видении политического устройства региона в целом. Английские дипломаты и эксперты по Ближневосточному региону были склонны рассматривать проблему консолидации Османской империи в более широком контексте развития народов Азии³⁴. Фактически речь шла о возможности эффективной модернизации традиционного восточного общества и, как следствие, о вероятности избавления его от европейского контроля. Для английской элиты обозначенный вопрос представлял первостепенную важность, поскольку напрямую затрагивал проблему поддержания Британской колониальной империи в Азии. Младотурки, заявлявшие о своей приверженности японской модели модернизации страны³⁵, выдвигали грандиозные проекты реформирования Османской империи с целью ее превращения в великую азиатскую державу. По свидетельствам британского журналиста Дж. Аббота, местная официальная пресса рассматривала Стамбул как будущий центр Восточной цивилизации³⁶. Кажется маловероятным, чтобы Лондон допустил трансформацию Османской империи из “больного человека Европы” в “Японию Ближнего Востока”.

Еще одной весомой причиной нежелания англичан поддержать комитет “Единение и прогресс” являлось то обстоятельство, что большинство его членов составляли военные, многие из которых были учениками немецких военных специалистов на турецкой службе или проходили обучение в Германии. По заключению Лоутера, временно пошатнувшееся влияние Берлина в Османской империи должно было возрасти в случае перехода власти в руки военных.

Особую обеспокоенность Лондона вызывала ситуация в Месопотамии и районе Персидского залива. Новый турецкий режим планомерно проводил политику централизации и оттоманизации арабских провинций. Турецкие представители на местах вынуждали аравийских шейхов признавать суверенитет султана³⁷, в то время как последние заявляли о предпочтительности для арабов британских методов управления, нежели османских, и призывали Англию взять их под свое покровительство³⁸. Однако Лондон вплоть до начала Первой мировой войны не решался поднимать вопрос о разделе “азиатского наследства” султана, поскольку любое резкое движение в данном регионе могло спровоцировать ответные действия со стороны Германии. Так, в 1912 г. после начала Первой балканской войны турецкое правительство получило заверения со стороны Берлина в том, что “в случае атаки на азиатские провинции Турции Германия не останется безучастной”³⁹. В таких условиях, как можно заключить, для Форин оффис частичным решением проблемы явилось бы переключение внимания младотурок с

³¹ *McCullagh F.* The Fall of Abd-Ul-Hamid. London, 1910, p. 31, 43.

³² *Ramsay W.* Op. cit., p. 15–16.

³³ *Marschall an das Auswärtige Amt*, 29.04.1909. – GP, Bd. XXVII (1), № 9595, S. 16.

³⁴ *Baring M.* Letters from the Near East 1909 and 1912. London, 1913, p. 15.

³⁵ *Worringer R.* “Sick Man of Europe” or “Japan of the Near East”? Constructing Ottoman Modernity in the Hamidian and Young Turk Eras. – *International Journal of Middle East Studies*, v. 36, № 2, 2004.

³⁶ *Abbot J.F.* Turkey in Transition. London, 1909, p. 276.

³⁷ *Annual Report on Turkey for the year 1910.* Asiatic Turkey. Mesopotamia. – FO Confidential Print, p. I, ser. B, v. 20, doc. 28, p. 207.

³⁸ *Memorandum respecting the New Regime in Turkey.* – Ibid., doc. 32, p. 267.

³⁹ *Annual Report on Turkey for the year 1912.* Foreign Policy of Turkey. – Ibid., doc. 59, p. 374.

азиатских владений на европейские, которые, в отличие от первых, не входили в сферу непосредственно британских интересов.

Развитие политической ситуации в Османской империи после Младотурецкой революции 1908 г. настраивало британскую дипломатию на пессимистический лад. Лондон, который имел давний и богатый опыт в формулировании подходов к проведению восточной политики и всегда располагал обширным арсеналом средств и способов воздействия на Порту, на этот раз столкнулся с тем, что пространство для маневрирования было ограничено. Берлин сумел воспользоваться ситуацией и восстановить свое влияние в Константинополе⁴⁰. Германское министерство иностранных дел изначально сделало ставку на армию как системообразующий элемент Османского государства. Поскольку основу комитета “Единение и прогресс” составляли турецкие офицеры, прошедшие германскую школу военной подготовки, то их преклонение перед прусской моделью модернизации страны и, следовательно, внешнеполитическая ориентация на Германскую империю были предсказуемы. Маршалль фон Биберштейн, в секретном письме рейхсканцлеру Т. фон Бетман-Гольвегу излагая основополагающие принципы германской политики в отношении Порты, указывал на тот факт, что в интересах Берлина было поддерживать Турцию в качестве жизнеспособного и самостоятельного государства⁴¹. При таком раскладе ориентация на “Ахрар”, по сути, являлась единственным возможным вариантом, совпадавшим со стратегическими целями Англии на Востоке.

Для восстановления экономики и укрепления боеспособности Османской империи младотуркам требовался период мирного развития: необходимо было уклониться от военных столкновений и по возможности, если не урегулировать, то хотя бы “погасить” национальные противоречия. Главным образом этот тезис относился к Балканам. Как свидетельствовала недавняя история (греческая война за независимость 1820-х годов, Восточный кризис 1875–1878 гг., критское восстание 1896 г., восстание в Македонии в 1903 г.), любые вспышки национально-освободительного движения вели к вмешательству великих держав, что оборачивалось либо потерей Портой европейских провинций, либо ограничением суверенной власти султана над ними. Подобный ход событий означал дальнейшее ослабление Оттоманской империи.

Вопрос удержания балканских территорий в составе Османской империи представлял для младотурок первостепенную важность. Революция 1908 г., как отмечали современники, началась именно в Македонии, где иностранное присутствие казалось наиболее ощутимым⁴². Кроме того, там были сосредоточены основные и наиболее влиятельные ячейки комитета “Единение и прогресс”. Красноречивым подтверждением значимости европейских провинций для нового режима служит тот факт, что на третьем ежегодном конгрессе комитета “Единение и прогресс” в Салониках в качестве приоритетного направления объявлялось подавление центробежных сил и поддержание мира на македонских территориях⁴³.

Что касается Англии, то в сложившихся обстоятельствах Лондону наиболее логичным казалось возвращение к курсу, проводимому им на Балканах до Младотурецкой революции. Притеснения, чинимые турками в отношении христианского населения европейских провинций, и мощный протест албанских вождей против политики оттоманизации позволяли вновь заговорить о необходимости вмешательства великих держав во внутренние дела Турции с целью нормализации ситуации на Балканах.

Британские дипломатические представители в Османской империи тщательно фиксировали изменения, политические, экономические, социальные, происходившие в европейских вилаятах султана, нюансы взаимоотношений турецкой администрации и местного населения. Для того, чтобы эффективно проводить свою политику в регионе,

⁴⁰ Chirrol V. Fifty Years in a Changing World. London, 1927, p. 134.

⁴¹ Marschall an Bethmann Hollweg, 30.05.1910. – GP, Bd. XXVII (1), № 9789, S. 257.

⁴² Buxton C.R. Turkey in Revolution. London, 1909, p. 14.

⁴³ Annual Report on Turkey for the year 1910. Turkey in Europe. – FO Confidential Print, p. I, ser. B, v. 20, doc. 28, p. 196.

необходимо было иметь комплексное представление о существовавшей там расстановке сил.

Начиная с 1909 г. британские консулы в Македонии отмечали попытки турецкой администрации свести на нет деятельность сепаратистских организаций. Для достижения этой цели правительство Османской империи использовало традиционные методы. Турецкие власти сеяли раздор между различными этническими и религиозными общинами, прибегали к репрессиям, организации полевых судов и разоружению населения. Причем, по словам британского посла, комитету “Единение и прогресс” сопутствовал определенный успех: зимой и весной 1910 г. военизированные отряды (четы) почти не напоминали о себе⁴⁴. Среди иных способов укрепления влияния Порты в европейских провинциях можно выделить сотрудничество младотурок с представителями некоторых этнических групп с целью внесения раскола в революционное движение⁴⁵, а также проведение новой демографической политики путем переселения боснийских мусульман в македонские вилайеты⁴⁶.

Английские дипломаты и корреспонденты, аккредитованные на Балканах, хорошо понимали специфику региона, где был давно завязан тугой узел межэтнических и межнациональных противоречий. Действия нового режима, направленные на поддержание своей власти, а также такие его мероприятия, как введение воинской повинности, обязательной для христиан и для мусульман, и принятие закона о македонских церквях вызывали недовольство подвластных народов. Корреспондент “Морнинг Пост” М. Бэринг отмечал, что законодательство младотурок лишало христианские церкви на территории Османской империи их традиционных старинных привилегий, особенно это касалось Вселенской патриархии⁴⁷. Церковная политика комитета “Единение и прогресс” способствовала тому, что греческое (патриархисты) и болгарское (экзархисты) духовенство, а также официальные лица обнаружили склонность к поиску компромисса по спорным вопросам. Безусловно, обозначившаяся тенденция создала для младотурок труднопреодолимые препятствия в деле унификации и оттоманизации европейских провинций.

Другим очагом напряженности в регионе, приковавшим к себе внимание европейских кабинетов и правительств балканских государств, была Албания. В конфессиональном плане албанское население не было однородным: его представители исповедовали ислам, католицизм и православную веру. Однако большинство составляли мусульмане, которых турецкое руководство считало ключевым фактором удержания своей власти над балканскими провинциями⁴⁸.

Восстание албанских племен, которое, то затухая, то вспыхивая с новой силой, в общей сложности продолжалось с 1910 по 1912 гг., Лондон рассматривал в контексте развития национальных движений на периферии Османской империи. Успешные операции албанцев против турецких отрядов, по мнению аналитиков Форин оффис, должны были оказать колоссальное моральное воздействие на арабов, сражавшихся с турецкими войсками в Йемене⁴⁹. Среди главных причин недовольства албанских племен английские дипломаты отмечали стремление младотурок грубыми методами проводить политику централизации. Члены комитета “Единение и прогресс” игнорировали специфический “modus vivendi”, который на протяжении столетий складывался между Портой и местными правителями⁵⁰. По мере того, как восстание набирало силу, требования

⁴⁴ Ibid., p. 195.

⁴⁵ Annual Report on Turkey for the year 1909. European Turkey, Macedonia. – Ibid., doc. 26, p. 135.

⁴⁶ Ibid., doc. 28, p. 194.

⁴⁷ Baring M. Op. cit., p. 92–93.

⁴⁸ Zürcher E. Kosovo Revisited: Sultan Reşad's Macedonian Journey June 1911. – Middle Eastern studies, 1999, v. 35, № 4, p. 36.

⁴⁹ Albanian Revolt, Letter by C.M. Marling, 20.06.1911. – FO Confidential Print, p. I, ser. B, v. 20, doc. 46, p. 291.

⁵⁰ Memorandum by H. Knatchbull-Hugessen, 16.05.1911. – Ibid., doc. 32, p. 263–264.

албанцев становились все более последовательными. Их программы варьировались от умеренных, предполагавших культурную автономию (признание албанского языка со стороны турецкой администрации в качестве официального на территории провинции) до радикальных (созыв албанской национальной ассамблеи независимой от парламента в Константинополе)⁵¹.

Помимо внутренних процессов, разворачивавшихся в балканских владениях султана, ситуация в регионе определялась воздействием внешних факторов, главным из которых являлась позиция Австро-Венгрии. Однако политика Вены на Балканах отличалась двойственностью, которая не осталась незамеченной в Лондоне.

В мае 1910 г. министр иностранных дел Австро-Венгрии А. Эренталь уверял великого визиря Хилми-пашу в том, что на Балканах могли присутствовать только две великие державы – Двуетидная монархия (Австро-Венгрия. – *О.А.*) и Османская империя, а потому их общей целью являлось поддержание статус-кво в регионе⁵². При такой расстановке сил между Веной и Санкт-Петербургом не могло быть достигнуто никаких тайных договоренностей: с утверждением нового режима в Константинополе и аннексией Боснии и Герцеговины необходимость в австро-русской Антанте отпадала⁵³. Этот новый поворот в австро-венгерской политике, вероятно, диктовался тем, что на тот момент дальнейшее продвижение Двуетидной монархии вглубь Балканского полуострова являлось сомнительным. Австро-Венгрия не располагала достаточными ресурсами для поглощения и интеграции дополнительных территорий, заселенных славянским элементом. Сильная Турция, по крайней мере, в среднесрочной перспективе соответствовала интересам Вены, т.к. служила гарантией того, что независимые балканские государства не присоединят ее европейские провинции. Следуя этой логике, Эренталь информировал турецкого посла о том, что Австро-Венгрия никогда не допустит образования коалиции балканских государств, представляющей опасность для нее самой или Турции⁵⁴.

Эренталь, по его заявлению британскому и французскому послам, приветствовал бы утверждение военных у власти в Турции, то есть фактически установление военной диктатуры Махмуда Шевкета-пашы⁵⁵. Лондон такой сценарий развития событий явно не устраивал: консолидированная Османская империя с прогерманской партией во главе угрожала интересам Британской империи на Ближнем Востоке.

Особую обеспокоенность Форин оффис вызывали действия Австро-Венгрии, направленные на создание турецко-румынского союза, поскольку такая политическая комбинация означала, что на Балканах сохранится статус-кво, благоприятный для Турции. В Лондоне и Санкт-Петербурге не были уверены в том, что Бухарест и Константинополь подписали соответствующий документ, но факт переговоров между двумя сторонами уже говорил о многом. Во-первых, это означало конец политической изоляции Турции на Балканах⁵⁶. Кроме того, посредством соглашения с Румынией Османская империя отождествляла себя с блоком Центральных держав⁵⁷. Во-вторых, заверения румын мобилизовать дунайские войска в случае болгаро-турецкой войны автоматически усиливали стратегические позиции Порты и смещали баланс сил в ее сторону⁵⁸. При таком раскладе положение Болгарии значительно осложнялось: наличие румынско-ту-

⁵¹ Ottoman Empire in 1912, Turkey in Europe. – Ibid., doc.59, p. 393–394.

⁵² Marschall an Bethman Hollweg, 10.05.1910. – GP, Bd. XXVII (1), № 9786, S. 245.

⁵³ Tschirschky an Bethman Hollweg, 27.06.2010. – Ibid., № 9790, S. 263. Под австро-русской Антантой подразумевается заключенное в 1897 г. министрами иностранных дел России и Австро-Венгрии М.Н. Муравьевым и А. Голуховским соглашение о поддержании статус-кво на Балканах.

⁵⁴ Секретная депеша Чарыкова от 14(27).10.1910. – АВПРИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 3767, л. 26.

⁵⁵ Crozier à Pichon, 15.02.1910. – DDF, ser. 2, t. 13, № 156, p. 278–280; Cartwright to Grey, 19.02.1911. – BD, v. IX(1), № 213, p. 253.

⁵⁶ Г. Ферхлит–А.Н. Свечину, 4.10.1910. – АВПРИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 3767, л. 40об.

⁵⁷ Румыния примкнула к Тройственному союзу еще в 1883 г.

⁵⁸ Секретная телеграмма Гирса, 16(29)09.1910. – АВПРИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 3767, л. 52.

рецких договоренностей сдерживало активизацию политики Софии в Македонии. В таких условиях Порта могла перебросить свои войска из европейской части империи в азиатскую, что для Англии было крайне нежелательно.

Под воздействием развития событий в европейских вилайетах Османской империи позиция руководителей австро-венгерской дипломатии претерпела существенную эволюцию. Неудачные действия османской администрации в Македонии и Албании заставили Эренталя поставить под сомнение дееспособность Турции⁵⁹. Следовательно, Османская империя теряла ценность для Австро-Венгрии в качестве союзника. Становилось очевидно, что в случае резкого обострения ситуации в европейских провинциях Порты была бы не в состоянии эффективно противостоять независимым балканским государствам, претендовавшим на ее территорию. При таком раскладе правительство Двуетидной монархии считало целесообразным активизировать свою политику в отношении повстанческого движения. На деле это выражалось в дестабилизации обстановки в европейских вилайетах с целью создания удобного повода для вмешательства и введения австро-венгерских войск в беспокойные провинции под предлогом поддержания порядка. В соответствии с этой линией, Вена снабжала деньгами македонских четников, причем последние не скрывали этого факта⁶⁰.

Интенсивной и масштабной была деятельность австро-венгерских агентов в Албании, что свидетельствовало об обострении албанской проблемы в 1910–1912 гг. Внимание Австро-Венгрии к этой турецкой провинции обуславливалось объективными причинами. Министерство иностранных дел Двуетидной монархии в начале XX в. разработало долгосрочную программу австро-венгерской политики в Албании. Главной задачей правящих кругов Австро-Венгрии являлось недопущение вхождения албанских территорий в состав какого-либо из балканских государств или даже распространения на них влияния извне. Интересам Вены в наибольшей степени соответствовало образование на Адриатическом побережье самостоятельного Албанского княжества⁶¹. Одним из способов достижения этой цели мыслилось побуждение местных племен к выступлению против турецкой администрации и постановка на повестку дня албанского вопроса, что, в конечном счете, должно было привести к образованию автономной Албании⁶².

Первоначально Форин оффис не придавал значения планам Австро-Венгрии. Более того, в некоторой степени Лондон благосклонно смотрел на подрывную деятельность агентов Двуетидной монархии в этой турецкой провинции. Балканская политика Вены вносила определенный диссонанс в австро-германские отношения: действия австро-венгерского правительства дискредитировали Германию в Константинополе⁶³.

Албанский вопрос предоставлял английскому правительству подходящий повод для вмешательства в дела региона и принятия на себя функций арбитра в вопросах балканской политики. Летом 1911 г. министр иностранных дел Великобритании Э. Грей попытался перехватить инициативу в албанском вопросе. Основанием для этого послужила петиция вождей ряда албанских племен к британскому правительству с просьбой донести до других держав бедственное положение албанского народа и необходимость реализации основных положений озвученной ими программы⁶⁴. Такое развитие событий предоставляло Лондону возможность контролировать активность Австро-Венгрии в Албании. С этой целью Грей предложил Вене, Санкт-Петербургу и Риму выработать общую позицию по албанскому вопросу с последующим присоединением к ней других великих держав⁶⁵. Британский министр иностранных дел подчеркивал необходимость

⁵⁹ Cartwright to Grey, 11.12.1911. – BD, v. IX(1), № 528, p. 517.

⁶⁰ Петряев – Чарыкову, 19.02.1912. – АВПРИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 3754, л. 33.

⁶¹ Гартвиг – Нератову, 12.04.1911. – Там же, д. 3761, л. 258об.

⁶² Там же, л. 259.

⁶³ Cartwright to Grey, 12.06.1911. – BD, v. IX(1), № 477, p. 461.

⁶⁴ Grey to de Salis, 26.06.1911. – Ibid., № 498, p. 476–477.

⁶⁵ Grey to Russell, 24.06.1911. – Ibid., № 497.

коллективного воздействия послов на Порту в пользу реформ в Албании, а также европейских гарантий их осуществления.

Британское предложение было встречено скептически не только со стороны Вены, но и Санкт-Петербурга⁶⁶. Эренталь дипломатично уклонился от прямого ответа Лондону и характеризовал позицию Вены как выжидательную⁶⁷, что на деле означало затягивание времени с целью претворения в регионе собственных планов. Завуалированный отказ России, партнера Британии по Антанте, вызвал удивление у высокопоставленных чиновников Форин оффис. Английская схема, предполагавшая согласованность политики великих держав на Балканах, была, по мнению британской дипломатии, лучшим способом ограничить односторонние действия Австро-Венгрии⁶⁸. Реагируя подобным образом на предложение Грея, правительство России руководствовалось весомыми мотивами. Во-первых, в тот период русская дипломатия на берегах Босфора предпринимала попытки в двустороннем порядке решить вопрос о статусе Проливов, а потому акция британского кабинета расценивалась послом России в Константинополе Н.В. Чарыковым как “носившая следы поспешности”⁶⁹.

Другое важное обстоятельство заключалось в том, что у Лондона и Санкт-Петербурга видение ситуации в европейских провинциях султана не совпадало. Русские дипломаты, аккредитованные на Балканах, еще в 1903 г. писали о подрывной деятельности австро-венгерских агентов среди албанских племен и о том, что эти агенты подстрекали албанцев к преследованию местных сербов⁷⁰. С того времени, если судить по документам министерства иностранных дел Российской империи, тактика Вены практически не изменилась: консульская служба Двуетидной монархии развернула широкую пропаганду среди албанцев⁷¹. В английских же консульских донесениях сведения о провокациях австро-венгерских агентов в Албании начали появляться лишь в 1912 г.⁷² Таким образом, Санкт-Петербург, в отличие от Лондона, видел серьезную опасность, исходившую от Вены в албанском вопросе, а потому отвергал любые предложения, содержавшие хотя бы намек на автономную Албанию, которая неминуемо попала бы в сферу влияния Австро-Венгрии.

Показательно, что постепенно, после тщательной проверки поступавшей информации, руководители Форин оффис все же начали разделять точку зрения русского правительства, основанием для чего послужили донесения английского посланника в Софии Х. Бакс-Айронсайда и британского посла в Вене Ф. Картрайта. В соответствии с их сообщениями, австро-венгерское правительство действительно вынашивало планы создания большой автономной Албании в случае “развала Турции в Европе”⁷³. Кроме того, Австро-Венгрия даже предложила Болгарии заранее “поделить” османские земли на Балканах, при этом предусматривалось предельное ослабление Сербии посредством максимального увеличения территории Албании⁷⁴. В случае осуществления замыслов Австро-Венгрии последовало бы диспропорциональное усиление ее влияния на Балканском полуострове.

Активизация деятельности Вены на Балканах (ее участие в переговорах о заключении турецко-румынской военной конвенции, поддержка албанского движения и македонских четников, проект создания автономной проавстрийской Албании) послужил

⁶⁶ Нератов – Бенкендорфу, 27(14).06.1911. – МОЭИ, сер. 2, т. XVIII, ч. I, № 132, с. 143.

⁶⁷ Посол в Вене Н. Гирс – Нератову, 27(14).06.1911. – Там же, № 135, с. 148.

⁶⁸ O’Beirne to Nicolson, 29.06.1911. – BD, v. IX(1), № 503, p. 483–484.

⁶⁹ Чарыков – Нератову, 21.06(4.07).1911. – МОЭИ, сер. 2, т. XVIII, ч. I, № 63, с. 178.

⁷⁰ Чарыков – Ламздорфу, 26.03.1903. – АВПРИ, ф. 166, оп. 508/1, д. 52, л. 168–169.

⁷¹ Копия доверительного письма Н. Гирса Нератову, 23.12.1910. – Там же, ф. 180, оп. 517/2, д. 3761, л. 74.

⁷² Ottoman Empire in 1912, Turkey in Europe, Albania. – FO Confidential Print, p. I, ser. B, v. 20, doc. 59, p. 391.

⁷³ Cartwright to Grey, 4.09.1911. – BD, v. IX (1), № 519, p. 503–504.

⁷⁴ Bax-Ironside to Grey, 8.08.1911. – Ibid., № 510, p. 492.

ла толчком к изменению политической конфигурации балканских государств. Среди факторов, способствовавших перегруппировке сил в регионе, была начавшаяся осенью 1911 г. итало-турецкая война, которая в случае перенесения военных действий на Балканский полуостров могла предоставить Австро-Венгрии стратегическое преимущество: возможность оккупации Нови-Пазарского санджака, разделявшего Сербию и Черногорию⁷⁵.

Если для Софии вмешательство Двуетидной монархии и установление ее контроля над турецкими провинциями и, в первую очередь, над стратегически важным портом Салоники, означало потерю Македонии, но не угрозу безопасности государства, то для Белграда это было равнозначно катастрофе. При таком ходе событий незамедлительно последовало бы введение войск Австро-Венгрии в Нови-Пазарский санджак, что сделало бы Сербию почти окруженной Двуетидной монархией. Донесения сербских дипломатов были полны информацией о возможных провокациях со стороны австро-венгерских агентов⁷⁶. При столь неблагоприятной расстановке сил в регионе союз с Болгарией и поиск с ней компромисса по македонскому вопросу представляли для Сербии жизненно важный интерес.

Импульсом для Софии к сближению с Белградом явились турецко-румынские переговоры о заключении военной конвенции. Слухи о Бухарестском соглашении сделали положение болгарского царя Фердинанда Кобургского довольно шатким: оппоненты обвиняли царя в том, что его недалёковидные действия привели к политической изоляции Болгарии в регионе⁷⁷.

Британских дипломатов, пристально следивших за образованием Балканского союза, прежде всего волновала позиция России, чье мнение имело определяющее значение для Сербии и Болгарии. Однако обозначившиеся тенденции в политике Санкт-Петербурга вызывали серьезную озабоченность у сербского и болгарского руководства.

Во-первых, речь шла о состоявшемся в октябре 1910 г. Потсдамском свидании Николая II и Вильгельма II. Сербь рассматривали это событие как шаг к восстановлению Союза трех императоров⁷⁸. Подобная перспектива казалась Белграду кошмаром, поскольку лишила бы его покровительства России перед лицом Австро-Венгрии. Кроме того, сербское правительство, помня о австро-русском соглашении 1897 г. и событиях, предшествовавших Боснийскому кризису, опасалось очередной сделки Вены и Санкт-Петербурга⁷⁹. Согласованность действий балканских государств, по мнению министра иностранных дел Сербского королевства М. Миловановича, снижала риск вмешательства великих держав в дела региона⁸⁰.

Во-вторых, активность русского посла в Константинополе в вопросе достижения двустороннего русско-турецкого соглашения по поводу Проливов наталкивала на мысль о том, что Санкт-Петербург был готов гарантировать Порте территориальную целостность ее владений⁸¹. Решение проблемы беспрепятственного прохода русских военных кораблей через Босфор и Дарданеллы посредством достижения компромисса с турецким правительством представлялось Санкт-Петербургу настолько желательным, что некоторые высокопоставленные чиновники внешнеполитического ведомства России даже рассматривали возможность вхождения Турции в союз балканских государств⁸².

⁷⁵ Секретная телеграмма посланника в Белграде, 18.09(1.10).1911. – Красный архив, т. VIII. М., 1925, № 3, с. 17–18; Bax-Ironside to Grey, 16.10.1911. – BD, v. IX (I), № 521, p. 506.

⁷⁶ М. Димитриевић – М. Миловановићу, 7(20).01.1912; Спалајковић – Миловановићу, 8(21).1912. – Документи о спољној политици Краљевине Србије, 1903–1914, књ. 5. Београд, 1984, № 10, № 12.

⁷⁷ Гартвиг – Нератову, 26.09.1910. – АВПРИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 3767, л. 49.

⁷⁸ Barclay to Grey, 6.03. 1911. – BD, v. IX (I), № 217, p. 256–257.

⁷⁹ Лунева Ю.В. Указ. соч., с. 52.

⁸⁰ Barclay to Grey, 22.01.1912. – BD, v., IX (I), № 533, p. 523.

⁸¹ Grey to Goshen, 6.11.1911. – Ibid., № 304, p. 320–321.

⁸² Нератов – Гартвику, 22.10(4.11).1911. – Красный архив, т. VIII, № 42, с. 42.

Применительно к болгарским интересам это означало отказаться от идеи вхождения Македонии в состав Болгарии.

В Лондоне разделяли озабоченность сербов и болгар в связи с политикой России, в частности ее стремлением включить в будущую “балканскую федерацию” Турцию. Обеспечив статус-кво на полуострове, Порта располагала бы “всеми своими военными силами для защиты других частей империи”⁸³. Таким образом, интересам Британии, с одной стороны, и местных государств – с другой, соответствовал такой проект создания Балканского союза, который предусматривал бы активную вовлеченность Санкт-Петербурга в дела полуострова и лишал бы Турцию стратегического преимущества в регионе.

13 марта 1912 г. при содействии русской дипломатии был подписан сербо-болгарский договор, а 12 мая 1912 г. – военная конвенция к нему. 29 мая 1912 г. был заключен договор между Грецией и Болгарией. Последней к блоку балканских государств присоединилась Черногория. Современники осознавали, что коалиция в составе Болгарии, Сербии, Греции и Черногории имела в первую очередь наступательный характер: молодые балканские государства стремились окончательно освободить полуостров от турецкого присутствия и присоединить земли, заселенные их собратьями. На взгляд британских дипломатов, одним из доказательств эффективности блока балканских государств являлось продемонстрированное союзниками хорошее понимание международной конъюнктуры. Действия же турок отличались крайней непоследовательностью⁸⁴. Подтверждением того, что Англия фактически санкционировала Первую балканскую войну, была речь премьер министра Г. Асквита, произнесенная им осенью 1912 г. в Лондонской ратуше. По словам главы британского правительства, “союзники не должны быть лишены плодов своих побед, которые им достались столь дорогой ценой”⁸⁵. Отказ от поддержания целостности европейских провинций Порты был озвучен на официальном уровне.

Таким образом, изучение новых источников и литературы по исследуемой проблеме позволяет сделать выводы о том, что Англия, будучи мировой державой, рассматривала балканский вопрос не только как сугубо региональную проблему, но и в контексте глобальной стратегии, ключевым пунктом которой являлось противодействие германской экспансии на Ближнем Востоке. Тесная взаимосвязь ближневосточного и балканского направления британской политики проявилась в цикличности курса Форин оффис в отношении европейских провинций Османской империи. Лондон активизировал свою политику на Балканах каждый раз, когда происходило усиление позиций Берлина в Турции (концессия на строительство Багдадской железной дороги, утверждение в Константинополе после 1909 г. военной партии), стремясь тем самым отвлечь внимание Порты с азиатских владений на европейские.

Младотурецкая революция 1908 г., которая, на первый взгляд, выбивалась из неблагоприятной для англичан схемы, в сущности, лишь подтверждала общую закономерность. Казалось бы, что с приходом к власти в Константинополе сил, выступавших за реформирование Османской империи в соответствии с принципом децентрализации, Балканский вопрос терял для Форин оффис свою актуальность. Но последующее доминирование на политической сцене Турции комитета “Единение и прогресс”, склонявшегося к прогерманской ориентации, обусловило возвращение британского правительства к прежнему курсу. Поражение турецких либералов, поддерживаемых Англией, во многом послужило причиной того, что в рассматриваемый период Лондон решил воздержаться от активного вмешательства во внутренние дела Османской империи.

Избранная Форин оффис тактика была также продиктована логикой развития ситуации в балканских провинциях. Непродуманные действия младотурок, игнорировав-

⁸³ Гартвиг – Нератову, 5.11(23.10).1911. – МОЭИ, т. XVIII, ч. II, № 806, с. 310.

⁸⁴ Annual Report on Turkey for the year 1912. The Balkan War. – FO Confidential Print, p. I, ser. B, v. 20, doc. 58, p. 378.

⁸⁵ Foreign Relations of Turkey. Great Britain. – Ibid., p. 371.

ших специфику европейских вилайетов, особенно во взаимоотношениях с албанскими племенами, способствовали усилению национально-освободительных движений. Откол балканских провинций от Турции был уже предопределен. Вопрос заключался в том, когда это произойдет. Уход Османской империи с Балкан неизбежно привел бы к возникновению вакуума силы, и от того, какое новообразование его заполнило (проантантовское или ориентировавшееся на Тройственный союз), зависело то, кто будет контролировать путь из Европы на Восток. В этой связи сотрудничество с Россией на Балканах становилось для Англии фактором принципиальной важности.

Россия, имевшая давний и богатый опыт взаимоотношений с балканскими народами, располагала разнообразными рычагами воздействия в этом регионе. Англия учитывала этот факт, отдавая своему партнеру по Антанте “пальму первенства” в формировании Балканского союза. Участие Лондона в этом процессе было косвенным и проявилось на неофициальном уровне. Греко-болгарское соглашение было заключено при посредничестве специального корреспондента “Таймс” на Балканах Дж. Баучера⁸⁶. Сознательная отстраненность Англии и ее стремление не брать на себя “излишние обязательства” были вызваны желанием руководителей Форин оффис максимально вовлечь Санкт-Петербург в балканские дела, в то же время оставив за собой определенное пространство для маневрирования. Активизация политики России на Балканах неизбежно вела ее к столкновению с Австро-Венгрией, претендовавшей на гегемонию в регионе. Последствия этого курса Британии проявились во время июльского кризиса 1914 г., приведшего к началу Первой мировой войны.

Со времен Берлинского конгресса 1878 г. вектор британской политики в Балканском регионе радикально изменился: Турции – “больному человеку Европы” – был вынесен смертный приговор. И если с конца 1890-х годов в британских дипломатических и общественно-политических кругах лишь велись дискуссии о возможном расчленении Османской империи, то в 1912 г. Лондон предпринял конкретные шаги в этом направлении, негласно поддержав Балканский союз. С точки зрения Британии, балканский аспект Восточного вопроса был урегулирован. Современники заговорили об “азиатской составляющей” этой проблемы⁸⁷. Но в новой политической игре ставки были значительно выше; Лондон, как показала его политика на Балканах в 1908–1912 гг., четко определил свои приоритеты: Россия и балканские государства отныне рассматривались им как потенциальные союзники в случае масштабного столкновения с Германией и поддерживаемой ею Османской империей.

⁸⁶ *Gueshoeff I.E.* The Balkan League. London, 1915, p. 37.

⁸⁷ *Macdonald J.* Turkey and the Eastern question. London, 1913, p. 77.